

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKYMonroe 4219, Dep. 10
Buenos Aires (30) ArgentinaCorreo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXIV Buenos Aires, Martes 5 de Setiembre de 1972

Буэнос Айрес, вторник 5 сентября 1972 года

№ 1176

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Нобелевская лекция по литературе 1970 года

П О Л Н Ы Й Т Е К С Т

«Наша Страна» воспроизводит полный текст непрочитанной Нобелевской лекции по литературе 1970 года. Эту лекцию Солженицын подготовил к церемонии вручения ему диплома и медали лауреата Нобелевской премии по литературе. Из-за препятствий, созданных советскими властями, вручение писателю лауреатских диплома и медали до сих пор не состоялось. «Наша Страна» передает текст Нобелевской лекции Солженицына без ведома и согласия автора. Текст опубликован 25-го августа на русском языке в «Ежегоднике Нобелевского Фонда», стр. 129-140, в Стокгольме и был доставлен Редакции «Н. С.» уже 30-го августа.

Как тот дикарь, в недоумении подобравший странный выброс ли океана? захоронки песков? или с неба упавший непонятный предмет? — замысловатый в изгибах, отблескивающий то смутно, то ярким ударом луча, — вертит его так и сяк, вертит, ищет, как приспособить к делу, ищет ему доступной визитной службой, никак не догадываясь о высшей.

Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаем за деньги, угождаем сильным, обращаем то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — затычками или палкою, как схватились, — для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных. А Искусство — не оскверняется нашими попытками, не теряет на том своего происхождения, всякий раз и во всяком употреблении уделяя нам часть своего тайного, внутреннего света.

Но охватим ли в е с ь - т о свет? Кто осмелится сказать, что ОПРЕДЕЛИЛ Искусство? Перечислил все стороны его? А может быть уже и понимал, и называл нам в прошлые века, но мы недолго могли на том застояться: мы послушали, и пренебрегли, и откинули тут же, как всегда спеша сменить хоть и самое лучшее — а только бы на новое! И когда нам снова скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было.

Один художник мнит себя творцом независимого духовного мира, и взваливает на свои плечи акт творения этого мира, населенного им, объемлющей ответственности за него — но подламывается, ибо нагрузки такой не способен выдержать смертный гений; как и вообще человек, обьявивший себя центром бытия, не сумел создать уравновешенной духовной системы. И если овладевает им неудача — вают ее на извечную дисгармоничность мира, на сложность современной разорванной души или непонятливость публики.

Другой — знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога, хотя еще строже его ответственность за все написанное, нарисованное, за воспринимающие души. Зато: не им этот мир создан, не им управляется, нет сомнения в его основах, художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразия человеческого вклада в него — и остро передать это людям. И в неудачах и даже на дне существования — в нищете, в тюрьме, в болезнях, ощущение устойчивой гармонии не может покинуть его.

Однако вся иррациональность искусства, его ослепительные извивы, его непредсказуемые находки, его сотрясающее воздействие на людей — слишком волшебны, чтоб исчерпать их мировоззрением художника, замыслом его или работой его недостойных пальцев. Археологи не обнаруживают таких ранних стадий человеческого существования, когда бы не было у нас искусства. Еще в предутренних сумерках человечества мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть. И не успели спросить: з а ч е м нам этот дар? Как обращаться с ним?

И ошибались, и ошибутся все предсказатели, что искусство разложится, изживет свои формы, умрет. Умрем — мы, а оно — останется. И еще пойдем ли мы до нашей гибели все стороны и все назначения его?

Не все — называется. Иное влечет дальше слов. Искусство растекает даже захлавленную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам — смутно, коротко, такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению.

Как то маленькое зеркальце сказок: в него глянешь и увидишь не себя, увидишь на миг недоступное, куда не доскакать, не долететь. И только душа занывает...

Достоевский загадочно обронил однажды: «Мир спасет красота». Что это? Мне долго казалось — просто фраза. Как бы это возможно? Когда в кровавой истории, кого и от чего спасала красота? Облагораживала, возвышала — да, но кого спасла?

Однако есть такая особенность сути красоты, особенность положения искусства: убедительность истинно-художественного произведения совершенно неопровержима и подчиняет себе даже противящееся сердце. Политическую речь, напористую публицистику, программу социальной жизни, философскую систему можно по видимости построить гладко, стройно и на ошибке, и на лжи; и что скрыто, и что искажено — увидится не сразу. А выйдет на спор противонаправленная речь, публицистика, программа, инструкторная философия — и всё опять так же стройно и гладко, и опять сошлось. Оттого доверие к ним есть — и доверия нет.

Попусту твердится, что к сердцу не ложится.

Произведение же художественное свою проверку несет само в себе: концепции придуманные, натянутые, не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те и другие, оказываются хилы, бледны, никого не убеждают. Произведения же, зачерпнувшие истины и представившие нам ее стуженно-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно — и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать.

Так может быть это старое триединство Истины, Добра и Красоты — не просто парадная обветшалая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трех деревьев сходятся, как утверждают исследователи, но слишком явные, слишком прямые, попросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, — то может быть причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и

возьвоятся В ТО ЖЕ САМОЕ МЕСТО, и так выполнят работу за всех трех?

И тогда не обмолвкою, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасет красота»? Ведь ЕМУ дано было многое видеть, озарило его удивительно. И тогда искусство, литература могут не деле помочь сегодняшнему миру? То немного, что удалось мне с годами в этой задаче разглядеть, я и попытаюсь изложить сегодня здесь.

На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем — четырем примощенным ступенькам, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие — может быть с большим даром, сильнее меня — погибли. Из них лишь некоторые встречал я сам на Архипелаге ГУЛАГ-е, рассыпанном на дробное множество островов, да под жерновом слежки и недоверия не со всяким разговорился, об иных только слышал, о третьих только догадывался. Те, кто канул в ту пропасть уже с литературным именем, хотя бы известны — но сколько не узнанных, ни разу публично не названных! и почти — почти никому не удалось вернуться. Целая национальная литература осталась там, погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустынею. Где мог бы расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойденных дерева.

И мне сегодня, сопровождаемому тенями павших, и со склоненной головой пропускаю вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать о н и ?

Эта обязанность давно тяготела на нас, и мы ее понимали. Словами Владимира Соловьева:

Но и в цепях должны свершить мы сами Тот круг, что боги очертили нам.

В томительных лагерных переброях, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец — и как сразу отзывно сткликнется мир. Отчетливо был наполнен наш кругозор и телесными предметами и душевными движениями, и в недвоящемся мире им не виделось перевереса. Те мысли пришли не из книг и не заимствованы для складности: в тюремных камерах и у лесных костров они сложились в разговорах с людьми, теперь умершими, т о ю жизнью проверены, о т т у д а выросли.

Когда же ослабилось внешнее давление — расширился мой и наш кругозор, и постепенно, хотя бы в щелочку, увиделся и узнался тот «весь мир». И поразительно для нас оказался «весь мир» совсем не таким, как мы надеялись: «не тем» живущий, «не туда» идущий, на болотную топь восклицаящий: «Что за очаровательная лужайка!», на бетонные шейные колодки: «Какое утонченное

ожерелье!», а где катятся у одних неотирные слезы, там другие приплясывают беспечному мюзиколу. Как же это случилось? Отчего же зинула эта пропасть? Бесчувственны ли были мы? Бесчувствен ли мир? Или это — от разницы языков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга? Слова отзвучивают и утекают как вода — без вкуса, без цвета, без запаха. Без следа.

По мере того, как я это понимал, менялся и менялся с годами состав, смысл и тон моей возможной речи. Моей сегодняшней речи. И уже мало она похожа на ту, первоначально задуманную в морозные лагерные вечера.

Человек извечно устроен так, что его мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, его мотивировки и шкала оценок, его действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Как говорит русская пословица: «Не верь брату родному, верь своему глазу кривому». И это — самая здоровая основа для понимания окружающего и поведения в нем. И долгие века, пока наш мир был глухо загадочно раскинут, пока не пронизался он едиными линиями связи, не обратился в единый судорожно бьющийся ком, — люди безошибочно руководились своим жизненным опытом в своей ограниченной местности, в своей общине, в своем обществе, наконец и на своей национальной территории. Тогда была возможность отдельным человеческим глазам видеть и принимать некую общую шкалу оценок: что признается средним, что невероятным; что жестоким, что за гранью злодейства; что честностью, что обманом. И хотя очень по-разному жили разбросанные народы, и шкалы их общественных оценок могли разительно не совпадать, как не совпадали их системы мер, эти расхождения удивляли только редких путешественников, да попадали диковинками в журналы, не неся никакой опасности человечеству, еще не единому.

Но вот за последние десятилетия человечество незаметно, внезапно стало единым — обнадеежно единым и опасно единым, так что сотрясеная и воспламеняющая одна его части почти мгновенно передаются другим, иногда не имеющим к тому никакого иммунитета. Человечество стало единым — но не так, как прежде бывали устойчиво едиными община или даже нация: не через постепенный жизненный опыт, не через собственный ГЛАЗ, добродушно названный кривым, даже не через родной понятный язык, — а, поверх всех барьеров, через международное радио и печать. На нас валит накат событий, полмира в одну минуту узнаёт об их выплеске, но мерок — измерять те события и оценивать по законам неизвестных нам частей мира, не доносят и не могут донести по эфиру и в газетных листах: эти мерки слишком долго и особенно уставивались и усваивались в особой жизни отдельных стран и обществ, они не переносятся налету. В разных краях к событиям прикладывают собственную, выстраданную шкалу оценок — и неуступчиво, самоуверенно судят только по своей шкале, а не по какой чужой.

И таких разных шкал в мире если не множество, то во всяком случае несколько: шкала для ближних событий и шкала для дальних; шкала старых об-

ществ и шкала молодых; шкала благополучных и неблагополучных. Деления шкал кричаще не совпадают, пестрят, режут нам глаза, и чтоб не было нам больно, мы отмахиваемся ото всех чужих шкал как от безумия, от заблуждения, — и весь мир уверенно судим по своей домашней шкале. Оттого кажется нам крупней, больней и невыносимей не то, что на самом деле крупней, больней и невыносимей, а то, что ближе к нам. Все же дальше, не грозящее прямо сегодня докатиться до порога нашего дома, признается нами со всеми его стенами, задуренными криками, погубленными жизнями, хотя б и миллионами жертв — в общем вполне терпимым и сносных размеров.

В одной стороне под гонениями, не уступающими древне-римским, не так давно отдали жизнь за веру в Бога сотни тысяч беззвучных христиан. В другом полушарии некий безумец (и наверно он не одинок) мчит через океан, чтоб ударом стали в первосвященника ОСВОБОДИТЬ нас от религии! По своей шкале он так рассчитал за всех за нас! То, что по одной шкале представляется издали завидной благоденственной свободой, то по другой шкале вблизи ощущается досадным принуждением, зовущим к переворачиванию автобусов. То, что в одном краю мечталось бы как неправдоподобное благополучие, то в другом краю возмущает как дикая эксплуатация, требующая немедленной забастовки. Разные шкалы для стихийных бедствий, наводнение в двести тысяч жертв кажется мелче нашего городского случая. Разные шкалы для оскорбления личности; где унижает даже ироническая улыбка и отстраняющее движение, где и жестокие побои простительны как неудачная шутка. Разные шкалы для наказаний, для злодеяний. По одной шкале месячный арест, или ссылка в деревню, или «карцер», где кормят белыми булочками да молоком, — потрясают воображение, заливают газетные полосы гневом. А по другой шкале привычны и прощены — и тюремные сроки по двадцать пять лет, и карцеры, где на стенах лед, но раздают до беля, и сумасшедшие дома для здоровых, и пограничные расстрелы бесчисленных неразумных, все почему-то, куда-то бегущих людей. Особенно спокойны сердце за тот экзотический край, о котором и вовсе ничего не известно, откуда и события до нас не доходят никакие, а только поздние плоские догадки малочисленных корреспондентов.

И за это двоеье, за это остолбенелое непониманье чужого дальнего горя нельзя упрекать человеческое зрение: уж так устроен человек. Но для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью. При шести, четырех, даже при двух шкалах не может быть единого мира, единого человечества: нас разорвет эта разница ритма, разница колебаний. Мы не уживем на одной Земле, как не жилец человек с двумя сердцами.

Но кто же и как совместит эти шкалы? Кто создаст человечеству единую систему отсчета — для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, как они разграничиваются сегодня? Кто прояснит человечеству, что действительно тяжело и невыносимо, а что только по близости натирает нам кожу — и направит гнев и тому, что страшней, а не к тому, что ближе? Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косному упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это — искусство. Это — литература.

Доступно им такое чудо: преодолеть ущербную особенность человека учиться только на собственном опыте, так что втуне ему приходит опыт других. От человека к человеку, восполняя его куцое земное время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздает спыт, пережитый другими, — и дает усвоить как собственный. И даже больше, гораздо больше того: и страны, и целые континенты повторяют ошибки друг друга с опозданием, бывает и на века, когда кажется, так всё наглядно видно! а нет: то, что одними народами уже пережито, обдуманно и отвергнуто,

● О ВЫЕЗДЕ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Важный принципиальный вопрос поднял московский еврей Виталий Рубин, в открытом письме в редакцию американского журнала «Тайм». В этом журнале некоторое время тому назад появилась статья, автор которой утверждал, что настаивая на праве выезда в Израиль, евреи в сущности добиваются привилегии только для себя, в то время как возможности свободного выезда из страны лишены все граждане СССР.

Рубин же, пишет, что евреи Советского Союза, добиваясь права на выезд для себя, способствуют общей борьбе за права человека в СССР. Кто прав, кому верить?

В связи с этим уместно напомнить, что в конце прошлого года академик Андрей Сахаров, в открытом обращении в Президиум Верховного Совета СССР, призвал разрешить законодательным порядком всем гражданам, кто того желает, выезд из Советского Союза. В том же письме Сахаров предлагал также изменить статью Уголовного Кодекса об измене родине, а также амнистировать и освободить от принудительного лечения в специальных психобольницах всех лиц, осужденных за попытку выезда из СССР.

вдруг обнаруживается другими как самое новейшее слово. И здесь тоже: единственный заменитель не пережитого нами опыта — искусство, литература. Дана им чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации — никогда не пережитый этой вторю трудный многодесятилетний национальный опыт, в счастливом случае оберегая целую нацию от избыточного, или ошибочного, или даже губительного пути, тем сокращая извилины человеческой истории.

Об этом великом благословенном свойстве искусства я настойчиво напоминаю сегодня с Нобелевской трибуны.

И еще в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю — в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу.

(За последнее время модно говорить о нивелировке наций, об исчезновении народов в котле современной цивилизации. Я не согласен с тем, но обсуждение того — вопрос отдельный, здесь же уместно только сказать: исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились, в один характер, в одно лицо. Нации — это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла).

Но горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это — не просто нарушение «свободы печати», это — замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти. Нация не помнит сама себя, нация лишается духовного единства — и при общем как будто языке соотечественники вдруг перестают понимать друг друга. Отживают и умирают немые поколения, не рассказавшие о себе ни сами себе, ни потомкам. Если такие мастера, как Ахматова или Замятин, на всю жизнь замурованы живою, осужденны до гроба творить молча, не слыша отзвука своему написанному, — это не только их личная беда, но горе всей нации, но опасность для всей нации.

А в иных случаях — и для всего человечества: когда от такого молчания перестает пониматься и вся целиком ИСТОРИЯ.

В разное время в разных странах горячо, и сердито, и изящно спорили о том, должны ли искусство и художник жить сами для себя или вечно помнить свой долг перед обществом и служить ему, хотя и не предвзято. Для меня здесь нет спора, но я не стану снова поднимать вереницы доводов. Одним из самых блестящих выступлений на эту тему была Нобелевская же лекция Альбера Камю — и к выводам ее я с радостью присоединяюсь. Да русская литература десятилетиями имела этот крен — не заглядывать слишком сама на себя, не порхать слишком беспечно, и я не стыжусь эту традицию продолжать по мере сил. В русской литературе издавна вроднились нам представления, что писатель может многое в своем народе — и должен.

Не будем поирать ПРАВА художника выражать исключительно собственные переживания и самонаблюдения, пренебрегая всем, что делается в остальном мире. Не будем ТРЕБОВАТЬ от художника, — но укорить, но попросить, но позвать и поманить дозволено будет нам. Ведь только отчасти он развивает свое дарование сам, в большей доле оно

вдунуто в него с рождения готовым — и вместе с талантом положена ответственность на его свободную волю. Допустим, художник никому ничего НЕ ДОЛЖЕН, но больно видеть, как МОЖЕТ он, уходя в своеобразные меры или в пространства субъективных капризов, отдавать реальный мир в руки людей корыстных, а то и ничтожных, а то и безумных.

Оказался наш двадцатый век жесточе предыдущих, и первой его половиной не кончилось всё страшное в нем. Те же старые пещерные чувства — жадность, зависть, необузданность, взаимное недоброжелательство, находу принимая приличные псевдонимы вроде классовый, расовой, массовой, профсоюзной борьбы рвут и разрывают наш мир. Пещерное неприятие компромиссов введено в теоретический принцип и считается добродетелью ортодоксальности. Оно требует миллионов жертв в нескончаемых гражданских войнах, оно нагуживает в душу нам, что нет общечеловеческих устойчивых понятий добра и справедливости, что все они текуче меняются, а значит всегда должно поступать так, как выгодно твоей партии. Любая профессиональная группа, как только находит удобный момент ВЫРВАТЬ КУСОК, хотя б и не заработанный, хотя б и избыточный — тут же вырывает его, а там хоть всё общество развалилось. Амплитуда швыряний западного общества, как видится со стороны, приближается к тому пределу, за которым система становится метастабильной и должна развалиться. Все меньше стесняясь рамками многовековой законности, нагло и победно шагает по всему миру насилие, не заботясь, что его бесплодность уже много раз проявлена и доказана в истории. Торжествует даже не просто грубая сила, но ее трубно оправдание: заливают мир наглую уверенность, что сила может всё, а правота — ничего. БЕСЫ Достоевского — казалось, провинциальная кошмарная фантазия прошлого века, на наших глазах расплодятся по всему миру, в такие страны, где и вообразить их не могли — и вот угонями самолетов, захватами ЗАЛОЖНИКОВ, взрывами и пожарами последних лет сигналият о своей решимости сотрясти и уничтожить цивилизацию! И это вполне может удасться им. Молодежь — в том возрасте, когда еще нет другого опыта кроме сексуального, когда за плечами еще нет годов собственных страданий и собственного понимания, восторженно повторяет наши русские опороченные зады девятнадцатого века, а кажется ей, что открывает новое что-то.

Новоявленная хунвейбиновская деградация до ничтожества принимается ею за радостный образец. Верхоглядное непонимание извечной человеческой сути, навивная уверенность не поживших сердец: вот э т и х лютых, жадных притеснителей, правителей прогоним, а следующие (мы!), отложив гранаты и автоматы, будут справедливые и сочувственные. Как бы не так!.. А кто пожил не понимает, кто мог бы этой молодежи возразить — многие НЕ СМЕЮТ возразить, даже заискивают, только бы не показаться «консерваторами» — снова явление русское, девятнадцатого века, Достоевский называл его РАБСТВОМ У ПЕРЕДОВЫХ ИДЕЕК.

Дух Мюнхена — нисколько не ушел в прошлое, он не был коротким эпизодом. Я осмелюсь даже сказать, что дух Мюнхена преобладает в двадцатом веке. Оробелый цивилизованный мир перед натиском внезапно воротившегося оскаленного варварства не нашел ничего другого противопоставить ему, как уступки и улыбки. Дух Мюнхена есть болезнь воли благополучных людей, он

есть повседневное состояние тех, кто отдался жажде благоденствия во что бы то ни стало, материальному благосостоянию как главной цели земного бытия. Такие люди — а множество их в сегодняшнем мире — избирают пассивность и отступление, лишь дольше потянулась бы привычная жизнь, лишь не сегодня бы перешагнуть в суровость, а завтра, глядишь, обойдется... (Но никогда не обойдется! — расплата за трудность будет только злей. Мужество и одоление приходят к нам, лишь когда мы решаемся на жертвы).

А еще нам грозит гибелью, что физически сжато, стесненному миру не дают слиться духовно, не дают молекулам знания и сочувствия перескакивать из одной половины в другую. Это люта опасность: ПРЕСЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ между частями планеты. Современная наука знает, что пресечение информации есть путь энтропии, всеобщего разрушения. Пресечение информации делает призрачными международные подписи и договоры: внутри ОГЛУШЕННОЙ зоны любой договор ничего не стоит перетолковать, а еще проще — забить, он как бы и не существовал никогда (это Оруэл прекрасно понял). Внутри оглушенной зоны живут как бы не жители Земли, а марсианский экспедиционный корпус, они толком ничего не знают об остальной Земле и готовы пойти топтать ее в святой уверенности, что «освободяют».

Четверть века назад в великих надеждах человечества родилась Организация Объединенных Наций. Увы, в безнравственном мире выросла безнравственная и она. Это не Организация Объединенных Наций, но Организация Объединенных Правительств, где уравнины и свободно избранные, и насильственно навязанные, и оружием захватившие власть. Корыстным пристрастием большинства ООН ревниво заботятся о свободе одних народов и в небрежении оставляют свободу других. Угодливым голосованием она отвергла рассмотрение ЧАСТНЫХ ЖАЛОБ — стонз, криков и умолений единичных маленьких ПРОСТО ЛЮДЕЙ — слишком мелких букашек для такой великой организации. Свой лучший за двадцать пять лет документ — Декларацию Прав человека, ООН не послилась сделать ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ для правительств, УСЛОВИЕМ их членства — и так предала маленьких людей воле неизбранных ими правительств.

Казалось бы: облик современного мира весь в руках ученых, все технические шаги человечества решаются ими. Казалось бы: именно от всемирного сотрудничества ученых, а не от политиков, должно зависеть, куда миру идти. Тем более, что пример единиц показывает, как много могли бы они сдвинуть все вместе. Но нет, ученые не явили яркой попытки стать важной самостоятельно действующей силой человечества. Целыми конгрессами отшатаются они от чужих страданий: уютней остаться в границах науки. Все тот же дух Мюнхена развесил над ними свои расслабляющие крыла.

Каковы же в этом жестоком, динамичном, взрывном мире, на черте его десяти гбелей — место и роль писателя? Уж мы и вовсе не шлем ракет, не катим даже последней подсобной тележки, мы и вовсе в презрении у тех, кто уважает одну материальную мощь. Не естественно ли нам тоже отступить, разувериться в неколебимости добра, в недробности правды и лишь поведовать миру свои горькие сторонние наблюдения, как безнадежно исковеркано человечество, как измельчали люди и как трудно среди них одиноким тонким красивым душам?

Но и этого бегства — нет у нас. Однажды взявшись за СЛОВО, уже потом никогда не уклониться; писатель — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он — совиновник во всем зле, свершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы — то бурье пятна на век зашлепали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого ДРУГА — то на ладонях писателя синяки от той веревки. И если юные его сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдаются наркотикам или хватают ЗАЛОЖНИКОВ — то перемешивается это зловонье с дыханием писателя.

Найдем ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?

† В воскресенье 17 сентября в 16 часов в 40-й день кончины

ЗИНАИДЫ ФЕДОРОВНЫ КРАМЕР

Урожд. ЛИТВИНЕНКО

у могилы усопшей на кладбище Olivos (4 TA, T. 86, Sepultura 22) будет отслужена ПАНИХИДА,

о чем сообщают семья покойной и Николай Снежинский.

В случае дождя панихида состоится в тот же день в 16.30 часов в Св. Сергиевском храме (Falucho 854, Villa Ballester).

Однако, ободряет меня живое ощущение **МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ** как единого большого сердца, колотящегося о заботах и бедах нашего мира, хотя по-своему представленных и видимых во всяком его углу. Помимо исконных национальных литератур, существовало и в прежние века понятие мировой литературы — как огибающей по вершинам национальных и как совокупности литературных взаимовлияний. Но случалась задержка во времени: читатели и писатели узнавали писателей иноязычных с опозданием, иногда вековым, так что и взаимные влияния опаздывали и огибающая национальных литературных вершин проступала уже в глазах потомков, не современников.

А сегодня между писателями одной страны и писателями, и читателями другой есть взаимодействие если не мгновенное, то близкое к тому, я сам на себе испытываю это. Не напечатанные, увы, на родине, мои книги, несмотря на успешные и часто дурные переводы, быстро нашли себе отзывчивого мирового читателя. Критическим разбором их занялись такие выдающиеся писатели Запада как Генрих Бёлль. Все эти последние годы, когда моя работа и свобода не рухнули, держались против законов тяжести как будто в воздухе, как будто **НИ НА ЧЕМ** — на невидимом, немом натяге сочувственной общественной пленки, — я с благодарною теплотой, совсем неожиданно для себя узнал поддержку и мирового братства писателей. В день моего пятидесятилетия я изумлен был, получив поздравления от известных европейских писателей. Никакое давление на меня не стало проходить **незамеченным**. В опасные для меня недели исключение из писательского союза **СТЕНА ЗАЩИТЫ**, выдвинутая видными писателями мира, предохранила меня от худших гонений, а норвежские писатели и художники на случай грозившего мне изгнания с родины гостеприимно готовили мне кров. Наконец, и само выдвигание меня на Нобелевскую премию возбуждено не в той стране, где я живу и пишу, но — Франсуа Мориаком и его коллегами. И, еще позже того, целые национальные писательские объединения выразили поддержку мне.

Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами, но некое общее тело и общий дух, живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества. Еще багровеют государственные границы, накаленные проволокою под током и автоматными очередями, еще иные министерства внутренних дел полагают, что и литература — «внутреннее дело» подводственных им стран, еще выставляются газетные заголовки: «не их право вмешиваться в наши внутренние дела», — а между тем **ВНУТРЕННИХ ДЕЛ** вообще не осталось на нашей тесной Земле! И спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего: людям Востока было бы сплосшь небезразлично, что думают на Западе; людям Запада — сплосшь небезразлично, что совершается на Востоке. И художественная литература — из тончайших, отзывчивейших инструментов человеческого существа, одна из первых уже переняла, усвоила, подхватила это чувство растущего единства человечества.

ИСПРАВЛЕНИЕ

В номере 1175-ом «Нашей Страны» на 3-й стр., в 4-м столбце, в заметку «БЛАГОДАРНОСТЬ» вкралась опечатка. Первый абзац этой заметки гласит: «В этот день. В день особенно ощущаемой душевной пустоты от потери, не хочу духом не подкрепиться тем безмерным теплом, пониманием и соучастием, оказанным нам в момент незаменимой для нас утраты». Надо читать: «В этот день. В день особенно ощущаемой душевной пустоты от потери, не могу духом не подкрепиться.....»

И вот я уверенно обращаюсь к мировой литературе сегодняшнего дня — к сотням друзей, которых ни разу не встретил въявь и может быть никогда не увижу.

Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим! В своих странах, раздираемых разногласиями партий, движений, каст и групп, кто же искони был силою не разъединяющей, но объединяющей? Таково по самой сути положение писателей: выразителей национального языка — главной скрепы нации, и самой земли, занимаемой народом, а в счастливых случаях и национальной души.

Я думаю, что мировой литературе под силу в эти тревожные часы человечества помочь ему верно узнать самого себя вопреки тому, что внушается пристрастными людьми и партиями; перенести сгущенный опыт одних краев в другие, так, чтобы перестало у нас двоиться и рваться в глазах, сошлись бы деления шкал, и одни народы узнали бы верно и сжато истинную историю других с тою силой узнавания и боевого ощущения, как будто пережили ее сами, — и тем обережены бы были от запоздалых ошибок. А сами мы при этом быть можем сумеет развить в себе и **МИРОВОЕ ЗРЕНИЕ**: центром глаза, как и каждый человек, видя близкое, краями глаза начнем вбирать то, что делается в остальном мире. И соотнесем, и соблюдем мировые пропорции.

И кому же, как не писателям, высказать порицание не только своим неудачным правителям (в иных государствах это самый легкий хлеб, этим занят всякий, кому не лень), но — и своему обществу, в его ли трусливом унижении или в самодовольной слабости, но — и легковесным броскам молодежи, и юным пиратам с заманутыми ножами!

Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А: не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно; оно непременно сплетено с **ЛОЖЬЮ**. Между ними самое родственное, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим **МЕТОДОМ**, неумолимо должен избрать ложь своим **ПРИНЦИПОМ**. Рождаешь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, — оно ощущает раздражение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь ее сладкоречием. Оно уже не всегда, не обязательно прямо душит глотку, чаще оно требует от подданных только присяги лжи, только соучастия во лжи.

И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это о приходит в мир и даже царит в мире, — но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: **ПОБЕДИТЬ ЛОЖЬ!** Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! — зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь, — но только не против искусства.

А едва развеяна будет ложь — откровенно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падет.

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскаленном час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни — но выйти на бой!

В русском языке излюблены пословицы о **ПРАВДЕ**. Они настойчиво выражают немалый тяжелый народный опыт и иногда поразительно:

ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Генерал Н. Ф. Эрн

19-го июля сего года в парагвайской столице после продолжительной болезни на 93-ем году жизни скончался один из первых членов русской колонии в этой стране и инициатор постройки православной церкви в Асунсионе генеральный штаба генерал-майор русской Императорской армии и дивизионный генерал парагвайской армии Николай Францевич Эрн.

Высокопреосвященный Архиепископ Афанасий, находившийся в это время в Асунсионе, совершил отпевание в присутствии о. Иоанна Петрова и в присутствии множества молящихся и двух военных представителей парагвайского президента генерала Стрэнснера.

Перед кладбищем, по приказу президента, траурный кортеж ожидали бата-

льон президентской гвардии с оркестром, военный министр, начальник авиации и офицеры асунсионского гарнизона, которые на руках понесли гроб до могилы. При погребении покойному были отданы военные почести, полагающиеся генералу парагвайской армии. От имени президента Стрэнснера и парагвайских вооруженных сил прощальное слово произнес профессор Парагвайской Военной Академии генерального штаба генерал-лейтенант С. Л. Высоколян.

Генерал Н. Ф. Эрн был членом Высшего Монархического Совета и другом «Нашей Страны».

Мир его праху!

Редакция выражает семье покойного свое искреннее соболезнование.

Ген. Хольмстон-Смысловский

ВОЕННАЯ КОРРЕКТУРА К „ОТКРЫТОМУ ПИСЬМУ“ АЛЕКСЕЯ РОСТОВА

КАНУН РОКОВЫХ ДНЕЙ

Оба стратегических плана были хорошо известны каждой из воюющих сторон. Мобилизационный план и стратегическое разворачивание Австро-Венгерской армии были известны русскому генеральному штабу только до известной степени, так как Вена, в последний момент его переработала, после известной шпионской аферы австрийского полковника генерального штаба Редль. Редль застрелился. Австрийский Генштаб внес в свои планы целый ряд изменений.

Здесь, я хочу подчеркнуть, как ложно была информирована наша «общественность» о работе разведывательного отделения русского Генштаба. Ходили легенды о работе германской разведки, но о русской молчали, а если гоорили, то говорили с большим пренебрежением. Много позже, будучи на германских курсах Генштаба, я натолкнулся в военно-историческом архиве на документы, показывающие превосходную организацию секретной агентуры на территории Германии, созданной русским Генштабом. Все железнодорожные узлы и мосты, идущие на запад от Одера, главные шоссе и дороги и сборные пункты были обсажены русскими агентами, которые доносили о передвижении воинских эшелонов и маршевых колонн. Русская Ставка была хорошо информирована не только о том, какие корпуса остались на востоке, а какие переброшены на запад, но и кто ими командовал, причем к каждому имени была приложена характеристика командира.

Итак, при еще не законченной мобилизации, при страшной перегрузке слабой железнодорожной сети и шоссе путей, русский Генштаб приступил к частичному изменению своего первоначального стратегического плана и принял оперативное решение — создать две армейские группы сильного состава с задачей: разбить находящиеся германские части в Восточной Пруссии, очистить территорию Восточной Пруссии от противника и выйти, для дальнейших операций, на линию реки Вислы, т. е. укрепленной зоны, защищаемой крепостями: Данциг — Диршау — Грауденц — Торн. Этой операцией русские корпуса ликвидировали бы висящий над их правым, северным флангом Восточно-Прусский географический «мешок» и этим бы обеспечивали бы Польский театр военных действий и правый фланг будущей операционной оси Познань — Берлин.

Было создано две очень сильных армии.

1-я армия — командующий ген. Ренненкамф. Армия в составе: 5 армейских корпусов и 5 кавалерийских дивизий. Гвардейский корпус был впоследствии изъят. 2, 3, 4 и 20-й армейские корпуса. Кавалерийская дивизия — 1 гв., 2 гв., 1 ар., 2 ар. и 3 ар. По немецким документам 1-я армия именуется армией «Немен».

2 армия — командующий армией генерал Самсонов. Армия в составе 5 армейских корпусов и 4 кавалерийских дивизий. 1-й, 6-й, 13-й, 15-й и 23-й армейские корпуса. Кавалерийские дивизии — 4-я, 5-я, 6-я и 15-я.

По немецким документам 2-я армия называется армией «Нарев». Вышеуказанных сил было больше, чем достаточно для ликвидации слабой 8-й немецкой армии генерала фон Приттвица, впоследствии генерала фон Гинденбурга. Ее состав подаю полностью, уже после того, как были стянуты со всех сторон резервные дивизии и ландверные бригады, но **перед тем, как были переброшены с западного фронта два корпуса.**

Состав: армейские корпуса — 1, 17, 20 и Резервный. Плюс резервная дивизия генерала Моргена и ландверные бригады — 1, 6 и 70. Несколько отдельных крепостных батальонов и 1-я кавалерийская дивизия. Повторяю, что после первых недель сражений командующий 8-й немецкой армии ген. фон Приттвиц вместе с его начальником штаба генералом графом Вальдерзее был отрешен от командования и заменен ген. фон Гинденбургом с начальником штаба генералом Людendorфом.

Теперь мы входим в канун великой трагедии августа 1914 года.

Русская военная литература в принципе жестоко критикует оперативный план вторжения наших войск в Вос. Пруссию. Иначе рассматривают его немецкие специалисты и даже участники боев. Генерал квартирмейстер Грюнерт, участник всех операций «Таненберга», на германских курсах Генштаба нам читал, что сама идея операции с точки зрения оперативного искусства была совсем не плоха, но выполнение идеи, управление, маневры и передвижения были из рук вон плохи. Там, где их вели умело и решительно, русские дрались очень упорно, но там, где сверху царил хаос, войска теряли сердце, отступали и часто беспорядочное отступление переходило в панику. И его главное обвинение было направлено против генералов Жилинского и Ренненкамфа.

И вот почему, когда я перейду к рассмотрению оперативной сводки, мне придется главным образом остановиться на немецких целесообразных и глубоко обдуманных передвижениях и маневрах, а не на беспорядочных маршах, как дневных с боем, так и ночных без боя, наших в конце измученных и истрепанных войск.

Действительно, наши генералы и прежде всего Жилинский и Ренненкамф, не понимали и не чувствовали боевой обстановки разворачивающихся сражений. И не потрудились личной поездкой на фронт разобраться в трагическом положении. Взять в свои руки и исправить ошибки младших генералов, войти в нужды марширующего фронта, наладить транспорт и обозы, почувствовать «душ» офицера и солдата, а главное согласовать взаимодействия двух без связи наступающих армий.

Ген. Жилинский забыл, что он был командующим фронтом и что в его прямые обязанности входило прежде всего координировать — и то не слепо по карте, а в реальной действительности — все передвижения, маневры и сражения вверенных ему армий. Нельзя было только «гнать» вперед и упрекать в трусости старого и боевого генерала, каким бесспорно был генерал Самсонов. Ген. Жилинский управлял армиями, как говори-

● ЧАЛИДЗЕ ВЫСТУПАЕТ В ЗАЩИТУ ВЕРУЮЩИХ

«Хроника текущих событий», помеченная 5 марта 1972 года сообщает, что внутрироссийский Самиздат распространяет сборник документов, касающихся безуспешной борьбы верующих за открытие церквей.

Сборник открывает письмо члена Комитета защиты прав человека в СССР В. Н. Чалидзе, адресованное Президиуму Верховного Совета СССР. Чалидзе обращает внимание президиума на непреодолимость препятствий, с которыми приходится сталкиваться верующим при желании открыть церковь. Затем следует 56 документов. Основную часть (53 документа) занимает история длительной (1968-1971 гг.) и безуспешной борьбы православных города Наро-Фоминска за открытие в городе храма. В ходе этой борьбы состоялись два судебных процесса: по иску к Совету по делам религии при Совете министров СССР о возмещении материального ущерба и по иску к наро-фоминской газете «Знамя Ильича» о защите чести и достоинства. Оба иска остались без удовлетворения. Трехлетняя борьба не привела к успеху, в Наро-Фоминске по-прежнему нет ни одной действующей церкви.

Остальные документы сборника — 2 письма академику А. Д. Сахарову, одно из них с просьбой помочь в открытии в Черниговской области католического костела, а другое — помочь в открытии православной церкви в городе Чернигове, и копия письма православных мирян города Нижнего Новгорода (ныне Горького) Брежневу с требованием разрешить открытие храма.

VIAJE A SU GUSTO Y CONVENIENCIA

Venga a

“REX”

AGENCIA DE VIAJES Y TURISMO INTERNACIONAL

R. S. Peña 995 - 3º D

35 - 5251 - 7958

Редакция "Нашей Страны" — как и все редакции в мире — оставляет за собой право по своему усмотрению сокращать, не искажая смысла, присланные материалы.

ДОКЛАДЫ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

24 сентября — И. Н. АНДРУШКЕВИЧ: "Корни и эволюция русской политической мысли. Задачи перед ней стоящие";

29 октября — Н. Л. КАЗАНЦЕВ: "Февраль и его истоки";

19 ноября — Я. А. ТЕЛЬНОВ: "Новые поколения и новые идеи в СССР".

Русская Св. Сергиевская церковно-приходская школа в Villa Ballester. Начало в 18 часов.

ли в генштабе, по «испорченному телефону» и больше думал, как бы спасти своих французских друзей на Марне, чем об участии армии ген. Самсонова.

А генерал Ренненкамф? Он с благословением ген. Жилинского взял, как главное операционное направление Тапю — Кенигсберг, куда и жался своим сильным правым флангом. После «выигранного» сражения под Гумбиненом, победитель почти трое суток стоит на месте и даже не преследует отходящего неприятеля. Имея в своем распоряжении «массу» первоклассной русской кавалерии, он не только не преследует врага, как было уже сказано выше, но даже не освещает поля боя и общей боевой обстановки. Он позволяет германскому командованию снять с фронта почти все свои силы, как мы будем это видеть ниже, и отвести их в тыл к железной дороге, погрузить и перебросить к новым полям сражений против ген. Самсонова. Он позволяет немецкому командованию, согласно правилам военного искусства, в решительный момент и на решительном направлении сосредоточить подавляющие силы и обрушиться всей своей армией на 13 и 15 корпуса армии генерала Самсонова. Эти в военном отношении блестящие немецкие маневры были проведены почти «на глазах» у ген. Ренненкамфа. Противник маневрировал так, как будто Ренненкамфа не было, а он в действительности «обозначал шаг на месте» в двух переходах от полей жесточайших сражений. Немцы оставили одну кавалерийскую дивизию для наблюдения за армией Ренненкамфа, который во время «Танненберга» продолжал 20-м, 3-м и 4-м корпусами влепую ползти к Кенигсбергу, а 2-м корпусом робко прижиматься к Мазурским озерам.

И эта военная безграмотность является действительным историческим фак-

том. Ренненкамф оперировал как маршал Груши под Ватерлоо, а если бы он, как учил Наполеон, повернул «на выстрелы», то кто знает, может быть военная история увидела бы не германские «Канны», а русский «Грюнвальд».

Солженицын ставит укор Государю, что последний не выбирал генералов по способностям, а назначал таковых по старшинству. Прежде всего, как справедливо замечает г. Алексей Ростов, этот способ назначения в мирное время практикуется во всех европейских армиях, а, во-вторых, Государь вообще никого не назначал. Назначения шли по мобилизационному плану, в котором были заранее намечены поименно все главные командующие фронтами и командующие армиями. Начальник штаба Верховного генерал Янушкевич действительно скорее был администратор, чем стратег. До войны он занимал должность Начальника Генерального Штаба, куда он пришел с должности Начальника Академии Генерального Штаба. Во всяком случае имел стаж. Ему дали в помощь, на должность Генерал-Квартирмейстера наиболее подготовленного стратега — генерала Данилова Черного, который много лет служил исключительно в генерал-квартирмейстерской части Главного Управления Генерального Штаба, т. е. именно на той должности, которая разрабатывает всю стратегическую подготовку к войне.

А в конце концов я невольно вспоминаю большого немецкого стратега генерала фон Сеекта, когда он во время посещения наших лекций, сказал: «здесь вас учат быть хорошими офицерами генерального штаба, но не полководцами, полководцы — рождаются».

Ген. Хольмстон-Смысловский
(Продолжение следует)

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
Т. Е. 88 - 3605

ПОКУПАЮ
ПОДЕРЖАННУЮ МЕБЕЛЬ,
ЛЕДНИКИ, ОДЕЖДУ
Т. Е. 656 - 2900.

Русская дама, одинокая и обеспеченная хочет познакомиться с русским господином такого же положения, с целью брака. Писать на: Post Restante. Correo № 28. № 1525914. Capital Federal.

ОТ ПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРА РУССКИХ БЕЛЫХ

Временно канцелярия Центра Русских Белых находится на ул. Paganà № 433, 4-й этаж. Открыта по вторникам и пятницам от 18 до 19.30 час. в это же время можно звонить по телефону 45-2056. Библиотека ЦРБ откроется в начале октября после приспособления нового помещения. В этом же помещении находится и Канцелярия Кредитного Кооператива «XX век».

В воскресенье 10-го сентября 1972 г. в 16 часов в прицерковном зале (Brasil 315, Capital)

СОСТОИТСЯ ЕДИНСТВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

в этом сезоне лирического баритона

В. ТРОФИМОВА

при участии Яши Трофимова (аккомпанемент)

В программе оперные арии, романсы, современные и народные русские песни. Билеты при входе в зал.

Общество Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского приносит глубокую, сердечную благодарность за присланные в аптеку при амбулатории в Корпусном Доме лекарства (в порядке поступления): г.г. Дубко, Шидловский, д-ру Ф. Ф. Вербицкому, сестре Элеоноре Май, Воробьевым, Н. Л. Казанцеву (газета «Наша Страна»), Яновской и д-ру И. Ф. Вербицкой.

Просим и впредь, по возможности, не оставлять нашу аптеку своим вниманием.

В понедельник 18-го сентября в 19 часов
в университете John F. Kennedy
состоится лекция постоянного сотрудника «Нашей Страны»
И. Н. АНДРУШКЕВИЧА

О Р О С С И И

на испанском языке

Российское Народно-Монархическое Движение призывает всех русских людей привлечь на лекцию наибольшее число аргентинцев — в особенности молодежи.

А Н О Н С !

А Н О Н С !

Молодая Группа

СТАВИТ

в воскресенье 5-го ноября 1972 года веселую комедию в трех актах

"КАК ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ"

ОСКАРА УАЙЛЬДА

Режиссер: Л. Г. СЕДОВА

Участуют: Бауман В., Бауман Е., Дубина А., Скалон А., Хасапова Н., Дубко В., Кульбицкий Г., Хасапов В. Шленев П.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Со-Редактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание объявлений и сообщений публикуемых за подписью и от имени частных отдельных лиц или учреждений. Редакция не возвращает присланные ей материалы.

Телефон Редакции: 52-7426.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские
снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes

Доктор

ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ

ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ

принимает: вторник и четверг

от 15 до 19 час.

остальные дни: заказывать часы.

Pueyrredón 443, Villa Ballester

четыре квартала от станции.

Т. Е. 758 - 5113